

Р. Е. Романов

*Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РАБОЧИЕ СИБИРИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО- ТРУДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье выявлены механизмы и динамика анонсирования угрозы уголовного наказания за нарушения производственной дисциплины в публичном пространстве сибирского тыла и реакция на этот процесс рабочих регионального военпрома в 1940–1945 годах. Методологической базой исследования является авторская концепция о двух типах социально-трудовой коммуникаций — побудительном и принудительном. Экстремальный характер эпохи Второй мировой войны привел к увеличению роли принуждения как одного из компонентов мотивации индустриального труда. В русле данной тенденции установлены изменения в функционировании вербальных, образно-символических и поведенческих каналов трансляции норм указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 и 26 декабря 1941 г., осуществляемой институтами и представителями власти разного уровня. Показана трансформация форм реагирования персонала оборонной промышленности Сибири на применение данных законов с учетом перемен в его составе, условиях жизни, информированности и восприятию системы производственных отношений. Сделан вывод о том, что со стороны советского государства принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации прошла извилистый путь от высоко- к низкоэффективной технологии профилактики «преступлений» на хозяйственном фронте. Со стороны рабочего класса

она поднялась с нулевого уровня до требований улучшения быта под угрозой «дезертирства» и в конечном итоге — сознательного протеста против мобилизационного режима труда в военной индустрии.

Ключевые слова. Вторая мировая война, сибирский тыл, советское государство, рабочие, социально-трудовая коммуникация, принудительная стратегия.

Информация о статье. Дата поступления 22 мая 2018 г.; дата принятия к печати 27 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 15 октября 2018 г.

R. E. Romanov

*Institute of History, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

SOVIET STATE AND SIBERIAN WORKERS DURING THE SECOND WORLD WAR: FORCED STRATEGY OF SOCIAL AND LABOR COMMUNICATION

Abstract. The article reveals the mechanisms and dynamics of announcing the threat of criminal punishment for violations of the industrial discipline in the public space of the Siberian rear and the reaction of the workers of the regional military industry in 1940–1945. The methodological base of the research is the author’s conception about two types of social and labor communications — motivational and compulsory. The extreme nature of the Second World War era led to an increase of the role of coercion as a component of the motivation of industrial work. In line with this trend, changes have been made in the functioning of verbal, figurative, symbolic and behavioral channels for the translation of the decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from June 26, 1940 and December 26, 1941, carried out by institutions and representatives of the authorities at different levels. Furthermore, the article shows the transformation of forms of response of the defense industry personnel in Siberia on the application of these laws, taking into account changes in its composition, conditions of life,

awareness and perception of the industrial relations system. The conclusion is drawn that the compulsory strategy of social and labor communication on the part of the Soviet state passed the tortuous path from a highly- to low-effective technology of preventing “crimes” on the economic front. From the point of view of the working class, it rose from the zero level to the requirements of improving everyday life under the threat of “desertion” and, eventually, to a conscious protest against the mobilization of labor in the military industry.

Keywords. The Second World War, Siberian rear, Soviet state, workers, social and labor communication, compulsory strategy.

Article info. Received May 22, 2018; accepted September 27, 2018; available online October 15, 2018.

В годы Второй мировой войны одним из механизмов создания и развития военно-промышленного тыла в СССР являлось взаимодействие государства и рабочих в сфере социально-трудовых отношений. Данный процесс осуществлялся за счет форм коммуникации, выстраивавшихся прежде всего вокруг реализации «базовых» Указов Президиума Верховного Совета СССР (ПВС) от 26 июня 1940 и 26 декабря 1941 года¹. «Верхи» стремились донести до персонала предприятий положения этих законодательных актов, имевших с их позиции огромное значение для мобилизации экономики в условиях глобального конфликта. «Низы», принимая участие в мобилизации, пытались обратить внимание властных структур на жизненные проблемы. Для передачи актуальной информации обе стороны использовали коммуникативные стратегии для адаптации «адресата» к запросам «адресанта».

¹ О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений : указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. // Ведомости ВС СССР. 1940. № 20; Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий : указ Президиума ВС СССР от 26 дек. 1941 г. // Ведомости ВС СССР. 1942. № 2.

Значительную роль в ней играл фактор принуждения одного «партнера» к соблюдению интересов другого. В ходе принудительных манипуляций власть опиралась на информационно-пропагандистские и административно-репрессивные рычаги, работники – традиции пассивного протеста. В этом смысле наиболее показательным являлся пример оборонной промышленности Сибири, созданной преимущественно в военное время.

За семь последних десятилетий взгляд российских историков на поставленную проблему претерпел коренные изменения. До начала 1990-х гг. исследователи полагали, что коммунистическая партия за счет пропаганды транслировала ценности советского патриотизма, находившие отклик в форме самоотверженного труда рабочего класса в тылу [3; 5]. Но факты применения указов об ужесточении дисциплины оставались вне поля зрения отечественной историографии.

В 1990-е – начале 2000-х гг. в постсоветской исторической науке возобладала точка зрения, согласно которой сталинский режим путем репрессивной политики насаждал культ страха, вызывавший сопротивление рабочих в виде самовольного ухода с предприятий [2; 7]. В частности, рассматривались практики реализации чрезвычайного трудового законодательства, оценивавшиеся как один из механизмов мобилизации населения.

В первое десятилетие XXI в. в научно-историческом сообществе утвердилось представление, что советское государство с помощью обширного арсенала коммуникативных средств передавало работникам многовариантную информацию, оказывавшую как мотивирующее, так и демотивирующее влияние [8]. Декларируемые в экстраординарных законах о труде уголовные меры интерпретировались как угроза наказания для потенциальных прогульщиков и «дезертиров».

Методологическая база исследования включает понятие и типологию социально-трудовой коммуни-

кации (СТК). СТК понимается как процесс передачи информации от одних участников производственных отношений к другим. Для его обеспечения отправители и получатели сообщений используют коммуникативные стратегии (КС) и практики (КП). КС – совокупность целей, способов и ожидаемых результатов информационного обмена, направленного на взаимную адаптацию коммуникаторов и реципиентов; КП – методы и каналы этого обмена. В рамках СТК выделяются две коммуникативные стратегии – побудительная и принудительная. Первая апеллирует к патриотизму, вторая – к угрозе причинения вреда. В годы Второй мировой войны государство и рабочие применяли в отношении друг друга обе стратегии. Но экстремальность эпохи привела к увеличению роли принуждения в мотивации труда. Власть посредством вербальных, образно-символических и поведенческих каналов стремилась вызвать у заводского персонала страх перед уголовным преследованием, работники – продемонстрировать лояльность или нелояльность к системе трудовых отношений.

В рамках данной концепции цель исследования заключается в выявлении механизмов и динамики анонсирования угрозы наказания в публичном пространстве сибирского тыла и реакции на этот процесс рабочих регионального оборонпрома в 1940–1945 годах.

В рассматриваемый период можно выделить четыре этапа эволюции принудительной стратегии социально-трудовой коммуникации:

26 июня 1940 – 21 июня 1941 г. – оформление принудительной стратегии СТК в рамках указа ПВС СССР от 26 июня 1940 г. и адаптация к ней рабочих;

22 июня 1941 – 17 октября 1942 г. – формальное усиление принудительной стратегии СТК в рамках указа ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. и рост пассивного протеста рабочих;

18 октября 1942 – 29 декабря 1944 гг. – корректировки принудительной стратегии СТК в рамках постановлений Совета народных комиссаров СССР (СНК) от 18 октября 1942 и 29 июня 1944 г.² с последующим снижением пассивного протеста рабочих;

30 декабря 1944 – 7 июля 1945 г. – ослабление принудительной стратегии СТК в рамках указов ПВС СССР от 30 декабря 1944 и 7 июля 1945 г.³, приведших к новой протестной волне в рабочей среде.

26 июня 1940 – 21 июня 1941 г. В конце 1930-х гг. одной из проблем развития советской промышленности являлась текучесть кадров. В 1939 г. в авиастроении количество выбывших работников к числу прибывших составляло 83,1 %, Сибири – 90,1 %⁴. В других отраслях сложилась типичная ситуация, обостренная кризисом снабжения в условиях подготовки страны к войне. Рост внутренней напряженности и ухудшение геополитического положения СССР после поражения Франции в июне 1940 г. вынудил партийно-государственное руководство пойти на ужесточение системы социально-трудовых отношений.

Для решения этой задачи была задействована принудительная стратегия СТК, основой которой стал указ

---

² О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий : постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t18/t18_143.htm ; Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года : постановление СНК СССР от 29 июня 1944 г. URL: <http://battle.volgadmin.ru/Documents/Trest/11.aspx>.

³ Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия : указ Президиума ВС СССР от 30 дек. 1944 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М., 1956. С. 406; Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией : указ Президиума ВС СССР от 7 июля 1945 г. // Там же.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-8044. Оп.1. Д. 2776. Л. 4, 36, 42, 48.

от 26 июня 1940 года. Ее целевая установка состояла в закреплении рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях путем запрета на самостоятельную смену места работы. Способом достижения цели выступала декларация угрозы осуждения к исправительным работам (до шести месяцев) и штрафным санкциям (до 25 % от заработка) за прогул и к лишению свободы (от двух до четырех месяцев) — за самовольный уход. В качестве ожидаемого результата предполагалось сокращение потерь рабочего времени и оттока кадров с производства.

Информирование трудящихся о положениях указа осуществлялось региональными и местными властями через широкий спектр каналов коммуникации. 26 июня 1940 г. на оборонных предприятиях Новосибирска, как и повсюду, прошли митинги и собрания, «политдни», совещания агитколлективов, беседы и лекции в цехах по разъяснению введенного законодательства. С 27 июня по 1 августа работники прокуратуры Дзержинского района провели на заводе № 153 (им. В. П. Чкалова) Наркомата авиационной промышленности (НКАП) и других подведомственных объектах 14 докладов и бесед об укреплении трудовой дисциплины⁵. В Кировском районе были организованы консультации для рабочих комбината № 179 («Сибметаллстрой») Наркомата боеприпасов (НКБ), получивших ответы на вопросы о применении принятого закона. Директор Сибметаллстроя неоднократно рассказывал коллективу о том, какой ущерб делу налаживания выпуска боеприпасов причиняют прогульщики и «летуны». Районные суды практиковали показательные процессы над нарушителями указа с их освещением в печати⁶. В целом эти меры способствовали доведе-

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 8, 26; Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 153.

нию до персонала военпрома новых правил производственного распорядка.

Важнейшую роль в их распространении играл повседневный контакт хозяйственников, партийных и профсоюзных функционеров с рядовыми труженниками. Одними руководителями двигало желание воспитать в подопечных служебную ответственность. В сентябре — октябре 1940 г. в восьмой стройконторе комбината № 179 НКБ секретарь парторганизации Кочнев и начальник строительства Мартынов за счет публичного обсуждения опозданий и прогулов сократили их ежемесячное число с 23 до 9⁷. Другие «командиры» производства демонстрировали свою возросшую власть. Начальник цеха завода № 153 НКАП Жарков не отпустил бригаду на обеденный перерыв и вдобавок пригрозил: «Если вы не будете работать, то я вас всех отдам под суд»⁸. Третьи «менеджеры» помогали работникам избежать наказания за нетрудовое поведение. С 1 по 9 августа 1940 г. начальник цеха Казинцев предоставил 218 административных отпусков, являвшихся узаконенными прогулами⁹. Большинство администраторов и общественников нижнего звена реагировали на вступивший в силу указ как бюрократы. По оценке комиссии Дзержинского райкома ВКП(б) г. Новосибирска многие парторги и профорги завода № 153 «удовлетворились тем, что на прогульщиков были оформлены дела для привлечения к судебной ответственности»¹⁰. В итоге количество дисциплинарных проступков оставалось значительным, что ставило под угрозу срыва выполнение государственных решений.

Ответная реакция рабочих на эти решения также была неоднозначной. На митингах 26 июня 1940 г. они открыто поддержали высочайшую законодательную

⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 153.

⁸ Там же. Л. 60.

⁹ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 4–6.

¹⁰ Там же. Д. 96. Л. 25, 26.

инициативу. На оборонных предприятиях Новосибирска данная поддержка выражалась в выступлениях и резолюциях, одобрявших жесткую борьбу с дезорганизаторами производства¹¹. Такое поведение можно охарактеризовать как обычное явление публичной жизни советских граждан предвоенного времени. Бытовые разговоры об указе, напротив, происходили в закрытой форме, так как люди высказывали глубоко личное мнение. Так, один из современников отметил следующий факт: «... в поезде слышал пока единственный аргумент в пользу закона: что ж будем работать на одном заводе. Все равно куда не пойдешь — везде плохо, а работать везде нужно. Вывод прост: плохо там, где нужно работать»¹². По существу, речь шла о вынужденной адаптации к новым социально-трудовым реалиям.

Огромное влияние на адаптационный процесс оказали масштабы реализации репрессивного законодательства. Во втором полугодии 1940 г. в СССР за прогулы и самовольные уходы было осуждено 2091,4 тыс. чел. (6,7 % всех рабочих и служащих) [4]. В новосибирском военпроме подобная практика использовалась шире в связи с преобладанием в нем молодежи. За первые три месяца действия указа на заводе № 153 НКАП под судом оказалось 580 чел. (15,4 % рабочих), включая 377 чел. со стажем работы до одного года¹³. Массированная «атака» на нарушителей производственного режима дала большой эффект. В августе — декабре 1940 г. на предприятиях Новосибирска количество правонарушений сократилось с 2827 до 726 (в 3,9 раза)¹⁴. Во второй половине 1940 г. по сравнению с первым полугодием число прогульщиков в промыш-

¹¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 26.

¹² Из дневника ленинградца Аркадия Манькова. Цит. по: «Крепостное право» советского образца. К 65-летию издания указа ПВС СССР от 26 июня 1940 г. // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/126873.html>.

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 96. Л. 25.

¹⁴ Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 2.

ленности боеприпасов СССР уменьшилось в 3,6 раза. В январе – мае 1941 г. доля самовольных уходов в общей текучести кадров из этой отрасли составляла 3,9 %¹⁵. Накануне Великой Отечественной войны благодаря налаженному контакту между властью и рабочим классом принудительная стратегия СТК оказалась в целом результативной.

22 июня 1941 – 17 октября 1942 г. Мобилизация в действовавшую армию и эвакуация предприятий в условиях нападения Германии на Советский Союз обострили дефицит трудовых ресурсов в тыловых регионах. 30 июня 1941 г. при СНК СССР был создан Комитет по распределению рабочей силы, занимавшийся призывом незанятого населения на производство. Во втором полугодии 1941 г. в Новосибирской области его местные органы направили в индустрию 128 тыс. чел.¹⁶. С принятием указа ПВС СССР от 13 февраля 1942 г.¹⁷ мобилизационный принцип стал основой государственной политики занятости. В 1942 г. промышленность, строительство, транспорт и гострудрезервы СССР получили 1560,0 тыс. чел. [1, с. 26], в том числе в Сибири – 215,3 тыс. чел.¹⁸. Львиную долю гражданских мобконтингентов составляли бывшие домохозяйки и школьники. На хозяйственные объекты поступали также военнообязанные, освобожденные от службы в РККА, заключенные, спецпереселенцы, депортанты. Привлечение на заводы и фабрики новых работников, испытывавших бытовые лишения и не знавших о режиме труда, вновь привело к численному росту прогулов и самовольных уходов. С учетом текущего положения руководство страны продолжило курс на

¹⁵ ГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1290. Л. 5; Д. 1396. Л. 52.

¹⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.

¹⁷ О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве : указ Президиума ВС СССР от 13 февр. 1942 г. .

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7507. Оп. 1. Д. 206. Л. 36; Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 86.

«закручивание гаек» в сфере социально-трудовых отношений.

В этой ситуации принудительная стратегия СТК получила институциональное развитие на основе указа от 26 декабря 1941 года. Ее целевая установка была скорректирована в сторону усиления закрепления рабочих и служащих на оборонных предприятиях за счет наделения их мобилизационным статусом. Новую цель предполагалось достичь путем декларации угрозы осуждения трудовых «дезертиров» к лишению свободы на срок от пяти до восьми лет. В данном случае законодатели пытались достичь аналогичного эффекта, полученного при реализации указа от 26 июня 1940 г., который распространялся на других нарушителей дисциплины.

Вместе с тем, в начальный период войны каналы коммуникации функционировали хуже, чем в последний мирный год. В директивах руководителей оборонных предприятий анонсировались репрессивные намерения, имевшие профилактическое значение. «Предупреждаю [...] весь работающий коллектив, — отмечал в приказе от 25 марта 1942 г. директор завода № 617 Наркомата электропромышленности (НКЭП) Жук, — «что виновные в нарушении производственной дисциплины мною будут строго караться»¹⁹. Однако сотрудники агитпропа, переориентировавшиеся с началом войны на патриотическую тематику, перестали информировать рабочую аудиторию об изменениях в трудовом праве. В конце 1942 г. председатель трибунала Сибирского военного округа Кокоулин констатировал, что работа по разъяснению последствий «дезертирства» с производства велась партийными и профсоюзными организациями очень слабо. В заводских коллективах отсутствовали опубликованные тексты ключевых законов. Зачастую

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 3. Л. 76.

работники совершали правонарушения по причине их незнания, о чем потом заявляли на судебных процессах²⁰.

Многие начальники цехов формально или безразлично относились к базовым нормативным актам. В первом квартале 1942 г. из цеха № 25 завода им. В. П. Чкалова самовольно ушли девять рабочих. На вопрос комиссии Новосибирского обкома ВКП(б) о «дезертирах» последовал ответ: «Большинство из них были не дисциплинированы – на работу не стали ходить, ну что-же согласно Указа отдали под суд»²¹. Работник цеха № 14 Марков оставил предприятие, а его руководитель объяснил этот поступок желанием подчиненного вернуться на малую родину. Чтобы избежать разбирательств, некоторые управленцы практиковали административные отпуска. 23–26 мая 1942 г. на заводе № 635 НКВ в отпусках ежедневно находились от 24 до 41 человек²². Другие администраторы считали целесообразным карать виновных, не вникая в мотивы проступков. У рабочего завода № 355 Наркомата вооружения (НКВ) Гусева, заподозренного в воровстве, начальник отобрал пропуск и тот не смог пройти в цех. Юношу привлекли к суду, но после проверки всех фактов трибунал прекратил уголовное дело²³. Часть «командиров» производства, напротив, занималась воспитанием новых кадров. Летом 1942 г. на заводе № 4 НКВ парторг Егоров и начальник цеха Федоров рассказами о фронте, трудовой биографии, вреде технического брака побудили подростков-учеников перевыполнять нормы выработки²⁴. Этот пример свидетельствовал о преимуществах патерналистского подхода

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 36.

²¹ Там же. Д. 159. Л. 94.

²² ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 134. Л. 160.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 42.

²⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-41. Оп. 1. Д. 684. Л. 125.

перед принудительными практиками трудовой коммуникации.

Ответ рабочих на усиление «репрессивного менеджмента» являлся многовариантным. Стал очевидцами показательных судов, некоторые из них демонстрировали законопослушность. Ветеран завода № 174 Наркомата танковой промышленности (НКТП) В. А. Белов вспоминал: «... все мы понимали, что законы военного времени должны быть суровы, любая расхлябанность была бы на руку врагу»²⁵. Противоположностью патриотов выступали сознательные дезорганизаторы производства. В мае 1942 г. на заводе № 353 НКВ группа рабочей молодежи разлаживала станки, не выполняла нормы, занималась членовредительством и хулиганством. На следствии один из правонарушителей объяснил такие действия тем, что личные интересы важнее государственных²⁶. Но зачастую юные заводчане не соблюдали дисциплину из-за плохого питания, отсутствия одежды и обуви. Осенью 1942 г. на заводе № 65 НКВ по этим причинам ежедневно не работало 240–245 чел., заводе № 188 НКВ – более 60, заводе № 564 НКВ – 30–40 человек²⁷. Инструктор Новосибирского обкома ВЛКСМ Хесина отмечала, что на фоне материальных лишений среди юных производственников «появились разговоры и толкования, если не создадут условий, убежим и случаев убегая очень много»²⁸. В целом начинающие труженики протестовали не против мобилизации, а равнодушия заводских начальников к их повседневному тяготам.

Тем временем советское государство неумолимо воплощало суровые законы о труде в жизнь. В 1941 г. в

²⁵ Обожгла наше детство война : сб. воспоминаний детей военного времени / гл. ред. С. И. Вишнеvский. Омск, 2010. С. 32.

²⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп.34. Д.153. Л. 34.

²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 8. Д. 60. Л. 17.

²⁸ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 708. Л. 37.

СССР за прогулы и самовольные уходы под судом оказалось 1769,2 тыс. чел. (6,5 % всех рабочих и служащих), в 1942 г. — 1692,8 тыс. (9,2 %) [1, с. 32]. В сентябре — ноябре 1942 г. по оборонной индустрии Новосибирской, Омской области, Алтайского и Красноярского краев было осуждено 3,1 тыс. чел., в том числе 2,7 тыс. чел. со стажем работы до одного года²⁹. Несмотря на расширение масштабов репрессий, в среде производственников нарастала протестно-дезадаптивная волна. Во втором квартале 1942 г. число прогулов в промышленности СССР по сравнению со вторым кварталом 1941 г. выросло в 12 раз³⁰. В январе — июне 1942 г. на новосибирских предприятиях НКБ было зафиксировано 13,6 тыс. дисциплинарных проступков, в июле — октябре 1942 г. — 22,4 тысяч³¹. В связи с нарушением контакта между властью и обновленным рабочим классом в начальный период войны принудительная стратегия СТК утратила прежнюю результативность.

18 октября 1942 — 29 декабря 1944 г. Огромный рост текучести кадров не позволял руководству страны преодолеть дефицит трудовых ресурсов в военно-промышленном производстве. В условиях его становления и развития оборонные предприятия, по-прежнему, испытывали нехватку рабочей силы. Ее лихорадочный поиск вел к очередным мобилизациям гражданского населения и спецконтингента в ведущие отрасли экономики. В 1943 г. в промышленность, строительство, транспорт и гострудрезервы СССР было направлено 1661,3 тыс. незанятых граждан, в частности в Сибири — 173,4 тыс., в 1944 г. — 1613,1 и 74,5 тыс. [1, с. 26]³². Одновременно советское правительство внесло

²⁹ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 36, 36об., 37, 37об.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 134. Л. 311.

³¹ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны : сб. документов / отв. ред. И. М. Савицкий. Новосибирск, 2005. С. 401.

³² ГАРФ. Ф. Р-7507. Оп. 1. Д. 206. Л. 37, 57, 89, 100; Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 87-88.

изменения в практики применения указов от 26 июня 1940 и 26 декабря 1941 г., оказавшие противоречивое влияние на эволюцию социально-производственных отношений.

Новой вехой институционального развития принудительной стратегии СТК стало постановление СНК СССР от 18 октября 1942 года. Корректировка ее целевой установки состояла в упрочении дисциплины за счет регулирования карточного снабжения в зависимости от трудового поведения рабочих и служащих. Для достижения цели использовалась декларация угрозы осуждения прогульщиков к сокращению хлебного пайка от ста до двухсот грамм в период исправительных работ. Введение подобной меры наказания должно было повысить эффективность действия указа от 26 июня 1940 года. В то же время по инициативе НКВД, Наркомюста и Прокурора СССР над находившимися в розыске «дезертирами» допускались заочные процессы, приводившие к формальному исполнению указа от 26 декабря 1941 года.

В целом в переломный и завершающий периоды войны функционирование каналов коммуникации заметно улучшилось. Руководители предприятий ежемесячно издавали директивы об урезании пайка прогульщикам. Так, в приказе от 10 ноября 1942 г. директор завода № 759 Наркомата химической промышленности (НКХП) требовал «произвести изъятие /200 гр./ хлебных талонов у лиц, приговоренных к исправительно-трудовым работам»³³. Активную информационно-пропагандистскую деятельность развернули судебные-следственные органы. С 1 апреля по 1 октября 1943 г. на предприятиях Новосибирской области были организованы 42 показательных суда. Работники прокуратуры и трибуналов опубликовали материалы одного из процессов в печати, провели 12 бесед об

³³ ГАНО. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 6. Л. 57.

ответственности за самовольный уход, сообщили трудящимся о 53 исполненных приговорах. В мае 1944 г. состоялись 11 открытых процессов с участием 3,3 тыс. чел., 11 бесед по профилактике дисциплинарных нарушений³⁴. Следовательно, представители следствия и судов вербально и наглядно разъясняли заводским коллективам последствия незаконных действий.

Партийные и профсоюзные организации отличались в этом деле различной степенью участия. На одних предприятиях информирование рабочих о трудовом законодательстве ограничивалось организацией отдельных мероприятий. В октябре – декабре 1942 г. на заводе № 208 НКЭП были прочитаны 12 лекций по четырем темам, включая «Законы о труде»³⁵. На других производственных объектах пропагандистские кампании носили систематический характер. В 1943–1944 гг. на заводе № 759 НКХП практиковались лекции, доклады и собрания по вопросам труддисциплины, публикация приказов и стенгазет о мерах наказания правонарушителей³⁶. В ряде случаев вокруг указов продолжал существовать информационный вакуум. В 1943 г. в клубе завода № 29 НКАП прошли 124 лекции и доклада, 138 бесед и чток с общей аудиторией 68,9 тыс. чел.³⁷. Они посвящались международному положению, текущему моменту, Великой Отечественной войне, деятельности Ленина и Сталина. Но доведении до персонала дисциплинарных норм агитколлектив клуба не занимался.

Еще более неоднородным оставался повседневный «диалог» заводских администраторов с рабочими. Многие из них, по-прежнему, культивировали в них чувство страха путем демонстрации личной власти. Наиболее яркий данный феномен в начале 1943 г.

³⁴ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 214; Д. 184. Л. 221.

³⁵ Там же. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 709. Л. 105.

³⁶ Там же. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 17. Л. 48.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 119. Л. 83, 84.

охарактеризовал заместитель секретаря парткома завода № 4 НКВ Количин: «О нем [рабочем – прим. Р. Р.] вдруг вспоминают тогда, когда что-то случилось. Тогда начинается суматоха, разражается брань, крик, стук по столу, указание пальцем на дверь и беспелляционный вывод: “неисправимый дезорганизатор”, “нарушитель” и т. д.»³⁸. Например, начальник цеха грубо отругал и выгнал работницу Бойцову за прогул, совершенный ею для приобретения обуви. Среди ряда «менеджеров» сохранялось и бюрократическое отношение к исполнению закона. На комбинате № 179 НКБ рабочего Мистюрина во время болезни осудили заочно как «дезертира». Но после предоставления им больничного листа, трибунал отменил приговор и привлек к ответственности виновных в фабрикации уголовного дела³⁹. Но все больше руководителей осознали, что заводская молодежь нуждается в заботе и воспитании. На заводе № 703 Наркомата минометного вооружения (НКМВ) мастер Глущенко перевоспитал осужденного ученика-подростка Кривобокова. Следуя его примеру, другие производственники взяли шефство над 46 юными труженниками⁴⁰.

Усиление штрафных санкций, информационного и воспитательного воздействия способствовало росту рядов законопослушных патриотов. Типичные черты их законопослушности отражены в характеристиках делегатов первого съезда рабочей молодежи Новосибирской области: «хорошая и дисциплинированная работница», «дисциплинированный и образцовый работник» и т. п.⁴¹. Однако бытовые лишения обуславливали неустойчивость трудовой мотивации сознательного персонала. 9 февраля 1943 г. на заводе № 677 НКБ не были заняты 130 учеников ремесленного училища.

³⁸ ГАКК. Ф. П-41. Оп. 1. Д. 684. Л. 139.

³⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 204.

⁴⁰ ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 77.

⁴¹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 823. Л. 1.

На подобный факт на областном профсоюзном форуме обратила внимание начальник отряда молодых рабочих Войтоловская: «Лучшие ребята сидят в общежитиях, им нет возможности выйти на работу из-за отсутствия одежды и обуви»⁴². Оказавшись в тяжелом положении, подростки порой писали резонансные письма во власть. В декабре 1944 г. в Новосибирский городской комитет ВКП(б) поступила жалоба учеников РУ № 3 на директора Козлова, не заботившегося о нуждах своих воспитанников. «Если непоможете[,] будем уходить домой»⁴³ — заявляли учащиеся в конце письма, адресованного секретарю горкома Асланову. В данной фразе была четко обозначена угроза пассивного протеста, вынуждавшая управленцев реагировать на жизненные проблемы трудящихся.

Впрочем, советское государство не забывало использовать и репрессивные рычаги. В 1943 г. за прогулы и самовольные уходы в СССР было привлечено к уголовной ответственности 1504,1 тыс. чел. (7,8 % всех рабочих и служащих), 1944 г. — 1371,8 тыс. (5,8 %) [1, с. 32]. В апреле — сентябре 1943 г. трибуналы Новосибирской области осудили 6,1 тыс. чел., в том числе 4,6 тыс. юношей и девушек до 25 лет. Реальное наказание понесли 12,8 % «дезертиров», заочное — 87,2 %⁴⁴. 29 июня 1944 г. правительство отменило практику заочных судебных процессов, но проблема розыска беглых работников осталась нерешенной. Неотвратимый характер носили лишь продовольственные санкции, являвшиеся вместе с информационно-пропагандистской политикой одним из факторов снижения протестно-дезадаптивной волны на производстве. В августе — декабре 1942 г. в электропромышленности Новосибирска произошло 1172 правонарушения, включая 696

⁴² ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 127. 12, 16.

⁴³ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 60.

⁴⁴ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 210.

прогулов, в январе — мае 1943 г. — 625 и 263⁴⁵. В 1944 г. число самовольных уходов на предприятиях города по сравнению с 1943 г. уменьшилось в два раза [6, с. 322]. В связи с налаживанием контакта между властью и новым рабочим классом в переломный и завершающий период войны результативность принудительной стратегии СТК вновь возросла.

30 декабря 1944 — 7 июля 1945 г. Несмотря на успехи в борьбе за укрепление дисциплины, руководство СССР не смогло стабилизировать социально-трудовую ситуацию в оборонной индустрии. В конце 1944 г. по всей стране в бегах находилось около 200 тыс. «дезертиров» [9, с. 196]. Вплоть до конца войны Комитет по учету и распределению рабочей силы проводил призывы незанятого населения для подпитки кадрами ведущих отраслей экономики. В январе — июле 1945 г. в промышленность, строительство, транспорт и гострудрезервы СССР поступило 297,5 тыс. чел. [1, с. 26]. На фоне сокращения мобилизационной нагрузки на людской потенциал государство решило уменьшить репрессивный нажим на производственный персонал.

Ослабление принудительной СТК началось с принятия указа от 30 декабря 1944 года. Цель данного процесса заключалась в возвращении сбежавших рабочих на предприятия. Ее достижение предусматривалось за счет амнистии «дезертиров». Предполагалось, что отказ от преследования нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. побудит беглецов вновь приступить к работе в военно-промышленном производстве.

Наряду с функционированием действовавших каналов коммуникации, в этот период появились новые формы информационного обмена между участниками трудовых отношений. Одной из них являлись письменные обращения руководителей училищ и

⁴⁵ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 566.

школ гострудрезервов к родственникам скрывавшихся от правосудия подростков с требованием вернуть их в учебные заведения. 29 декабря 1944 г. из школы ФЗО № 9 Томска самовольно ушел ученик Александр Гречко. Директор школы Шкадаревич направил его матери Анне Гречко письмо, призывавшее ее оказать воспитательное влияние на сына, над которым нависла угроза наказания: «Уверен, что Вы, тов. Гречко, как советская патриотка, воздействуете на Александра и немедленно возвратите его в школу. Не допускайте, чтобы его как дезертира трудового фронта мы вынуждены были привлечь к судебной ответственности»⁴⁶. Эта аргументация позволила автору письма сочетать убеждение и принуждение, что делало призыв гибким и убедительным.

В ряде случаев такой комбинированный подход давал положительный эффект. В начале 1945 г. в РУ № 1 Новосибирска вернулись все сбежавшие учащиеся, РУ № 13 – треть⁴⁷. Но не все начальники умели находить адекватные способы противодействия отклонявшемуся поведению рабочего юношества. Часть из них по инерции решала вопрос о дисциплине путем административных злоупотреблений. В январе 1945 г. старший мастер школы ФЗО № 27 Новосибирска Коляскин превысил полномочия в отношении учениц Ольги и Евдокии Карасевых. Подростки обратились к нему с просьбой об увольнении. Мастер же отобрал у своих воспитанниц учебное обмундирование и выселил их из общежития. Оказавшись на улице, ученицы получили обморожения и обратились за медицинской помощью. Городской прокурор Никитин квалифицировал действия Коляскина как факт «недопустимо бездушного отношения и произвола со стороны руко-

⁴⁶ Из истории земли Томской. Кто был для фронта мал : сб. документов и материалов / отв. ред. Б. П. Тренин. Томск, 2003. С. 220.

⁴⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1072. Л. 33.

водящих работников ФЗО к учащимся»⁴⁸. Подобный случай свидетельствовал о совершении отдельными лицами должностных преступлений в ходе борьбы с дисциплинарными проступками.

Другой неизжитой проблемой оставались мысли и разговоры рабочих и учащихся трудрезервов о самовольном уходе с места работы или учебы. 10 апреля 1945 г. инструктор Аверин сообщал в Кировский райком ВКП(б) г. Новосибирска о своей беседе с ученицей школы ФЗО № 27 Картвенко по поводу ее письма родным с жалобой на обеды с мороженой капустой. Во время общения с партийным функционером оправдывала поступок желанием «сгустить краски о том, что в школе плохо, ей советуют уехать (дезертировать) домой»⁴⁹. Следовательно, в конце войны в вербальных практиках воспитанников гострудрезервов сохранялась логическая взаимосвязь между неустроенным бытом и бегством из учебных заведений.

Победа над фашистской Германией кардинально не изменила суть сложившихся социально-трудовых отношений. В 1945 г. за прогулы и «дезертирство» в СССР под судом оказалось 1161,5 тыс. чел. (4,3 % всех рабочих и служащих) [1, с. 32]. Параллельно советское государство сделало очередной шаг к ослаблению принудительной стратегии СТК. 7 июля 1945 г. была объявлена амнистия для граждан, осужденных по указу от 26 декабря 1941 года. Они освобождались от отбывания наказания с погашением судимости, невзирая на сроки лишения свободы. Но этот жест доброй воли, наряду с переходом экономики и общества на мирный лад, вызвал кризис мотивации труда. Наиболее четкое выражение он нашел в высказывании бригадира ОТК завода № 325 НКБ Кондратенко: «Летом, если меня не отпустят домой, то сбегу с завода. Хватит, порабо-

⁴⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1072. Л. 134.

⁴⁹ Там же. Д. 1560. Л. 46.

тали честно, а сейчас работать незачем»⁵⁰. «Пацифистские» настроения вновь усилили текучесть кадров с производства. В январе — мае 1945 г. ежемесячно с завода № 153 НКАП самовольно уходили от 12 до 19 чел., июне — 54, июле — 93, августе — 172 чел.⁵¹. Рост «дезертирства» обуславливался отказом многих работников от мобилизационного статуса, сохранявшегося в силу инерционного применения законов предвоенного и военного времени⁵². В результате в контактах, налаженных между властью и рабочим классом, снова возникали коммуникативные сбои.

В годы Второй мировой войны в сибирском оборонпроме как одном из регионально-отраслевых комплексов экономики СССР широко применялась принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации. Со стороны государства она базировалась на декларировании угрозы уголовного наказания за нарушение производственного режима в публичном пространстве советского общества. На первом этапе реализации стратегии (26 июня 1940 — 21 июня 1941 г.) произошла первичная апробация вербальных, образно-символических и поведенческих каналов трансляции новых законодательных норм в рабочую среду. По мере продвижения информации об указе от 26 июня 1940 г. с верхних на нижние «этажи» властной вертикали практика его выполнения в силу субъективного поведения заводских начальников и партфункционеров приобретала хаотичный и самопроизвольный характер. Несмотря на подобные издержки, трудящиеся вынужденно адаптировались и реагировали на репрессивный нажим повышением уровня дисциплины. На оборонных предприятиях Сибири этот нажим осуществлялся преимущественно молодежные труд-

⁵⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 57.

⁵¹ Там же. Д. 195. Л. 7, 61.

⁵² Указ ПВС СССР от 26 дек. 1941 г. был отменен в мае 1948 г., указ от 26 июня 1940 г. — в апреле 1956 года.

коллективы, в меньшей степени приспособившиеся к текущей ситуации.

На второй этапе (22 июня 1941 – 17 октября 1942 г.) в условиях дальнейшего ужесточения производственных отношений в процессе анонсирования законов о труде возник сбой из-за резкого ослабления публичной вербализации и визуализации их положений. Информационный вакуум усилил беспорядочность в действиях промышленных «менеджеров», отвечавших за осуществление указов на местах. Кроме того, он снимал морально-психологические ограничения в поведении мобилизованной молодежи, испытывавшей наибольшие трудности в адаптации к заводскому социуму. В связи с этим, часть юных рабочих демонстрировала местным представителям власти протестное отношение к барачному быту, вызвавшее на фоне расширения карательных практик колоссальное падение общего уровня дисциплины. Типичное положение было особенно свойственно оборонной индустрии сибирского тыла, кадровый потенциал которой формировался в основном в начальный период войны.

На третьем этапе (18 октября 1942 – 29 декабря 1944 г.) в русле корректировки санкционной политики ее информационное сопровождение активизировалось в связи с частичным восстановлением механизмов передачи сообщений о нормах трудового законодательства в рабочую аудиторию. Наиболее последовательно это дело воплощали в жизнь инстанции по судебному расследованию случаев «дезертирства». На военных заводах существовали различные подходы к реализации государственных директив, регулировавших служебные отношения между участниками производства. Сохранение произвольности иногда помогало его руководителям найти эффективные способы взаимодействия с молодыми кадрами. Обратной стороной этой «медали» являлось спонтанное провоциро-

вание персонала, находившегося в условиях бытовой дезадаптации, на протестные поступки в виде бегства с предприятий. Тем не менее, усиление информационного воздействия и вычеты из хлебного пайка прогульщиков позволили ограничить масштабы девиантного поведения рабочих и снизить интенсивность репрессивного «менеджмента».

На четвертом этапе (30 декабря 1944 — 7 июля 1945 г.) в контексте кампании по помилованию «дезертиров» появились новые коммуникативные каналы, обеспечивавшие их возвращение на производство в обмен на прекращение преследования. Несмотря на результативность, они не могли ни улучшить практики применения чрезвычайных указов, ни нейтрализовать дезадаптивные поведенческие реакции потенциальных правонарушителей. Завершение войны и амнистия заключенных, осужденных за дисциплинарные проступки, вновь привели к очередному витку самовольных уходов тружеников с места работы.

Таким образом, за годы Второй мировой войны принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации, применявшаяся в сибирском оборонпроме, претерпела существенную эволюцию. Со стороны советского государства она прошла извилистый путь от высоко- к низкоэффективной технологии профилактики «преступлений» на хозяйственном фронте. Со стороны рабочего класса эта стратегия поднялась с нулевого уровня до требования улучшения быта под угрозой «дезертирства» и в конечном итоге — сознательного протеста против мобилизационного режима труда в военной индустрии.

Список использованной литературы

1. Земсков В. Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией / В. Н. Земсков // Политическое просвещение. — 2014. — № 2 (79). — С. 20–36.

2. Кнышевский П. Н. Государственный Комитет Оборона: методы мобилизации / П. Н. Кнышевский // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 53–65.

3. Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны / А. В. Митрофанова. — М.: Наука, 1971. — 525 с.

4. Папков С. А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940–1945) [Электронный ресурс] / С. А. Папков // Красноярское общество «Мемориал». Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2000Papkov.htm>.

5. Рабочий класс в период упрочения и развития социализма / отв. ред. В. В. Алексеев. — Новосибирск: Наука, 1984. — 376 с.

6. Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны / И. М. Савицкий. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — 449 с.

7. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х — середина 1950-х гг.) / А. К. Соколов // Экономическая история. Ежегодник. 2003 / отв. ред. Л. И. Бородкин. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 74–99.

8. Сомов В. А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. А. Сомов. — Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. — 234 с.

9. Шевченко В. Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Шевченко. — Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного университета, 2008. — 448 с.

References

1. Zemskov V. N. Organization of labor force and tightening of labor legislation during the war with Nazi Germany. *Politicheskoe prosveshchenie = Political education*, 2014, no. 2 (79), pp. 20–36. (In Russian).

2. Knyshevskii P. N. The State Committee of Defense — methods of mobilization. *Voprosy istorii = Issues of History*, 1994, no. 2, pp. 53–65. (In Russian).

3. Mitrofanova A. V. *Rabochii klass SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Working class of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 525 p.

4. Papkov S. A. Punitive justice in the USSR during the World War II (1940–1945). *Krasnoyarskoe obshchestvo «Memorial» = Krasnoyarsk movement «Memorial»*. Available at: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2000Papkov.htm>.

5. Alekseev V. V. (ed.). *Rabochii klass v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [The working class in the period of consolidation and development of socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 376 p.

6. Savitskii I. M. *Vazhneishii arsenal Sibiri: razvitie oboronnoi promyshlennosti Novosibirskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The most important arsenal of Siberia: the development of the defense industry of the Novosibirsk region during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2005. 449 p.

7. Sokolov A. K. Forced labour in Soviet industry and its crisis (late 1930s – mid. 1950s.). In Borodkin L. I. (ed.). *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2003* [Economic history. Yearbook. 2003]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 74–99. (In Russian).

8. Somov V. A. *Potomu chto byla voina...: Vneekonomicheskie factory trudovoi motivatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [Because there was a war...: non-economic factors of labor motivation during the great Patriotic war (1941–1945)]. Nizhny Novgorod, Volgo-Vyatskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby Publ., 2008. 234 p.

9. Shevchenko V. N. *Sibirskii arsenal Pobedy: stanovlenie i razvitie oboronnoi promyshlennosti Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Siberian arsenal of Victory: formation and development of the defense industry of Siberia during the great Patriotic war]. Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2008. 448 p.

Информация об авторе

Романов Роман Евгеньевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории, Сибирское отделение Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rromanov1981@mail.ru.

Author

Roman E. Romanov — PhD in History, Researcher, Department of History of Social and Economic Development, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva St., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: rromanov1981@mail.ru.

Для цитирования

Романов Р. Е. Советское государство и рабочие Сибири в годы второй мировой войны: принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации / Р. Е. Романов // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 303–329. — DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(3).303-329.

For Citation

Romanov R. E. Soviet State and Siberian Workers During the Second World War: Forced Strategy of Social and Labor Communication. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 303–329. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(3).303-329. (In Russian).